

Р

ЕЧЬ пойдет, конечно, не о той книге Андроникова, которая вышла без малого два года назад и в заглавии которой стояли эти слова, а о новой, носящей весьма строгое и даже академичное название: «Лермонтов. Исследования и находки». Если

«Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ...»

В. НЕПОМНЯЩИЙ

всякого перехода: «В 1940 году... К 1955 году...»; — тогда, как жданные и закономерные, воспринимаешь слова: «История, начавшаяся в 1836 году, продолжается». Этих слов ждешь, потому что уже ощущаешь себя самого соучастником автора. Потому что чувствуешь, что ты вместе со всеми, кому дорога национальная святыня — поэт, — уже «завербован» Андрониковым и уже не можешь не следовать за ним по всем зигзагам его дорог, не восторгаться, не отчаиваться и снова не искать вместе с ним.

И он прекрасно это знает и потому решительно обрушивает на нас новые и новые факты, догадки и предположения, не боясь завести порой в тупик. Он знает психологию пытливого читателя, он, как художник, «играет» с нами, заставляя вживаться в «предлагаемые обстоятельства»; как рассказчик и педагог, провоцирует нас на собственные догадки, дразнит. Иногда, пройдя извилистый и нелегкий путь поисков и оказавшись, по всем данным, у цели, мы вдруг попадаем в ситуацию почти детективную: «...все это в сопоставлении с именем владельца альбома «Мари» заставляет прийти к заключению, что фамилия этой Марии — Пашкова!»

И все-таки это не Пашкова! За чем это? В серьезном-то исследовании? Где же результат поисков?

А затем, что если в искусстве — в том числе в рассказе — «голый» результат, «голый» итог не существует, а существует процесс, то ведь и наука — это процесс, и в науке голый практический вывод очень часто гораздо менее ценен, чем ход творческой мысли, приведший к нему. Результат необходим; но ведь именно в процессе поисков перед Андрониковым и нами рисовалась картина, возникала пульсирующая плоть жизни. Это не «результат»? Вот почему медлит Андроников завершить наш путь...

И еще — еще ему немножко жалко, что к «мигу вожденному» подходит очередной его труд, что, найдя искомое, он что-то и теряет, с кем-то вроде и расстается. — И вот теперь он старается чуть-чуть отдалить этот миг расставания...

Так я подумал, читая главу о записках Анненковой, которые Андроников искал долго и безуспешно и наконец нашел. И, только успев подумать, я прочел:

«Вот они — в белых бумажных обложках... Вы думаете, я обрадовался? Нет! Я так привык искать эти записки, что мне показалось, будто у меня что-то отняли».

Если это юмор, то грустный. Ведь разве в рассказе важна лишь его развязка? Разве, слушая симфонию, мы с нетерпением ждем последнего аккорда? Разве, идя почти рядом с идущим, движущимся и потому живым Лермонтовым, нам скорее хочется остановиться — и расстаться с ним?

Если же это сожаление, то — радостное. Разве, расставаясь с Лермонтовым, мы — вместе с жажущим рассказывать нам о нем — не готовы идти дальше, вперед, все к Лермонтову?

видно, как под увеличительным стеклом. Ее пронизывает азарт — и там, где автор ищет, и там, где он размышляет. И там, где хлещет открытый темперамент («Но ужас!»; «Каков Масанов! И что значит библиография!»), и там, где темперамент вот-вот готов прорваться сквозь строчки сухого реестра новонайденных сокровищ.

Андроников страстно полемизирует. Он спорит с родственником поэта, Шан-Гиреем, искренне убежденным в том, что Лермонтов сочинял «мрачные» стихи, «чтобы казаться интереснее, что никаких мучений в действительности не было, — спорит и, приходя к выводу, что несколько десятков стихотворений посвящено вполне реальной Н. Ф. Ивановой, подтверждает еще и еще раз: поэзия Лермонтова была порождена не литературой, а жизнью. Он спорит с современным исследователем, показывая, что «ученый татарин Али», глухо упомянутый в одной из записей поэта, был не кто иной, как великий азербайджанский демократ Мирза Фатали Ахундов, и что именно он помог Лермонтову записать легенду об Ашик-Керибе и учил его азербайджанскому языку, и что язык этот был нужен поэту для работы над романом о кавказской войне.

Разумеется, можно и спорить с Андрониковым — но только во всеоружии такого же знания и такой же любви к поэту.

Уважая поэта, свято веря каждому его слову, прилежно вникая в мельчайшие факты, связанные с его жизнью, Андроников уважает также и своих слушателей — то бишь читателей, — доверяет их уму, их способности к творчеству, и потому смело вовлекает их в длительные путешествия по лабиринтам поисков и размышлений. Часто он уходит, казалось бы, далеко в сторону от магистрали исследования и тогда не забывает предупредить: «Все это, хотя и представляет второстепенный интерес, очень важно, потому что это лица, окружавшие Лермонтова». Это не только по-человечески трогает, но и говорит о высокой научной добросовестности, которая побуждает вовлекать в круг исследования все доступные сведения;

и вот понемногу из тоненьких ниточек «второстепенных» и «третьестепенных» подробностей и свидетельств возникает плотная и прочная ткань исторических фактов, несущих на себе отблеск личности и судьбы поэта.

Постепенно и незаметно мы становимся такими же соучастниками творческого процесса Андроникова, как те, кто слушает в концерте его рассказы. И заражаемся его одержимостью, как те, кто содействовал ему в работе. О них он никогда не забывает сообщить — и не в сухой сноске, а создав несколькими легкими штрихами образы этих людей («и затопал маленькими шажками — любезный, подслеповатый, седенький, накренившийся несколько вправо — титан познаний, доброжелательства, дружелюбия, щедрости...» — о работнике ленинградской публичной библиотеки И. А. Бычкова); отведив им земной поклон («...Григорий Зармаирович Иоаннесян — да продлится его здоровье!...»); публично зачислив в ряды тружеников во славу науки («...молодая мтулка — имя ее должно отныне войти в лермонтовскую литературу — Русудан Закаидзе, колхозница из селения Закаткари...»). Иными словами, в своем многолетнем походе по следам Лермонтова, который для него — всегда современник, он находит не только старые рукописи и новые факты, — он встречается со своими живыми современниками, «прекрасными и бескорыстными людьми», подобными мецестре Немковой из Серпухова, — и эти «находки» не менее драгоценны для него. Рядом с героем повествования, Лермонтовым, наравне с его современниками, они, эти люди, тоже становятся героями андрониковского рассказа. Так возникает почти зримая и осязаемая связь людей и времен — связь, осуществляемая, оказывается, не только самой поэзией, но и исследованием ее. Разрозненные звенья исторической цепи воссоединяются в общем историческом творчестве. И когда Андроников говорит: «Началась эта история в 1836 году...», — а потом продолжает: «В 1856 году... В следующем — 1857 — году...», — и вдруг, без

бы в наше время существовали, как это было в средние века, девизы и фамильные гербы, то — я убежден — на гербе Ираклия Андроникова были бы написаны именно эти лермонтовские слова: «Я хочу рассказать вам...».

Нет, в новой книге под строгим названием собраны не устные рассказы Андроникова-лермонтоведа. Эта книга — один из серьезнейших и фундаментальных трудов о Лермонтове за последние годы. Девятнадцать ее глав — это девятнадцать статей, большинство которых представляет собою исследования научных проблем творчества Лермонтова, биографии Лермонтова, судеб лермонтовского наследия.

А читать книгу могут все. С интересом и специальным, и просто человеческим, читательским.

Дело тут не в популярной, «доступной» форме изложения. И не в том, что автор что-то «разжевывает». Дело в другом.

Подлинно научная работа, как и художественное произведение, появляется не тогда, когда автору необходимо «функционализировать», а когда он не может ее не написать. Сила ее — в темпераменте самостоятельной мысли, в том, что человек хочет рассказать нам, что он любит и чем живет.

Сказать, что Андроников любит Лермонтова, — значит, ничего не сказать. Он не может без него жить. Все связанное с Лермонтовым для него драгоценно. Факты, послужившие основой для сравнительно небольшой работы «Лермонтов в Грузии», автор собирал по крупным семнадцати лет. Записки Веры Анненковой, современницы Лермонтова, он разыскивал четверть века. Одна лермонтовская строка, одно слово, один новообнаруженный факт, которого «значение темно иль ничтожно» для постороннего, незаинтересованного взгляда, могут заставить его ринуться в безбрежный океан архивов, рыскать по страницам старых журналов, развезжать по городам, звонить в двери незнакомых квартир, искать, расспрашивать, сопоставлять... Как тонкая нитка приводит в конце концов к целому клубку, так всего одна фраза лермонтовского письма, комментируемая Андрониковым, разворачивает перед нами картину тогдашней общественной жизни Грузии, раскрывает связи Лермонтова с такими людьми, как Александр Чавчавадзе, Николай Бараташвили, декабрист Александр Оловеский. Это важно, и потому Андроников не может не поделиться этим с нами.

И здесь вступает в свои права его необыкновенный дар рассказчика.

Говорить что Андроников — мастер рассказа, что он любит рассказывать, — значит, ничего не говорить. Он не может без этого жить. Рассказывая, он — даже если вы единственный слушатель, — не жалеет себя и «работает» на целую аудиторию. Иначе он не умеет, ибо общение с человеком для него — творческий процесс, в который он вовлекает и слушателя. И наоборот, всякое творчество Ираклия Андроникова остро — и не умоэрически, а «материально» — ощущает в конечном счете как процесс общения с людьми — людьми, способными к творчеству. Поэтому «адрес» его работ и широк, и предельно точен: они обращены не к машине, в которую надо «заложить» информацию, а к живому человеку, любящему литературу. В книге о Лермонтове это